

**Рецензия на книгу: Элементы татарского языка
в типологическом освещении. Мишарский диалект**
Ред. С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов. —
М.: «Буки Веди», 2017. xxviii + 761 с. ISBN 978-5-4465-1693-3.

Дьячков Вадим Викторович, Институт языкознания РАН (Москва); hyppocentaurus@mail.ru

В статье представлен обзор коллективной монографии «Элементы татарского языка в типологическом освещении» (Москва, 2017). В этой книге описывается широкий спектр грамматических и семантических явлений мишарского диалекта татарского языка (< тюркские) как с типологической, так и с формальной точки зрения. Монография содержит также фонологический очерк и тексты на мишарском диалекте. Основное внимание уделяется морфологическим и синтаксическим явлениям, которые представляют особый интерес для лингвистической типологии. В разделе 2 подробно исследуется семантика трех будущих времен. В разделе 3 рассматриваются семантика двойного каузатива и ассоциатива, а также аргументная структура отыменных и отадъективных глаголов. В главе 4 исследуются различные типы генитивных конструкций и факторы, определяющие их дистрибуцию. Глава 5 посвящена проблемам дифференциального объектного маркирования, сложных глагольных комплексов и синтаксиса сравнительных конструкций. Индексикальный сдвиг описывается в главе 6. Также с той или иной степенью подробности рассматриваются другие морфологические категории и синтаксические конструкции, и каждое описываемое явление сопровождается обширным иллюстративным материалом. В рецензии дается краткий обзор содержания каждого раздела и подробно освещаются несколько тем, которые представляют особый интерес с типологической точки зрения, с акцентом на их вклад в лингвистическую теорию.

Ключевые слова: тюркские языки, татарский язык, рецензия, будущее время, двойные каузативы, отыменные глаголы, сравнительные конструкции, дифференциальное объектное маркирование, индексикальный сдвиг

ELEMENTY TATARSKOGO YAZYKA V TIPOLOGICHESKOM OSVESHCHENII
[ELEMENTS OF THE TATAR LANGUAGE IN A TYPOLOGICAL PERSPECTIVE]
(MOSCOW, 2017. XXVIII + 761 PAGES)

Vadim V. Dyachkov, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); hyppocentaurus@mail.ru

The article provides a review of the collective monograph “Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii [Elements of the Tatar language in a typological perspective]” (Moscow, 2017). This book describes a wide range of grammatical and semantic phenomena in the Mishar dialect of the Tatar language (< Turkic), both from a typologically and a formally oriented perspective. The monograph is supplemented with a phonological sketch and texts in the Mishar dialect. However, the book primarily focuses on morphological and syntactic phenomena that are of special interest to linguistic typology. The semantics of three future tenses is thoroughly investigated in Chapter 2. Chapter 3 examines in detail the semantics of double causatives and associative derivation as well as the argument structure of denominal and deadjectival verbs. Chapter 4 investigates different types of genitive constructions and factors determining their distribution. Chapter 5 is dedicated to the problems of differential object marking, complex verb predicates and syntax of comparative constructions. Indexical shift is described in Chapter 6. Other morphological categories and syntactic constructions are also covered in greater or lesser detail, and much empirical data are provided for every phenomenon mentioned. The review gives a brief description of all chapters and highlights several topics which are particularly significant typologically, with focus on their contribution to linguistic theory.

Keywords: Turkic languages, Tatar language, review, future tense, double causatives, denominal verbs, comparative constructions, differential object marking, indexical shift

1. Введение

Рецензируемая книга представляет собой собрание исследований мишарского диалекта татарского языка, выполненных коллективом авторов, большинство из которых непосредственно связаны с отделением теоретической и прикладной лингвистики (ТиПЛ) филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Книга является результатом традиционных для отделения ТиПЛ студенческих экспедиций, которые проводились в 1999—2000 и в 2011—2012 гг. Она логически продолжает серию публикаций отделения, посвященных тюркским языкам, которая представлена книгами [Лютикова и др. 2006], [Лютикова и др. (ред.) 2007] и [Татевосов (ред.) 2009]. Рецензируемая работа существенно отличается от ранее вышедшего сборника статей о мишарском диалекте [Лютикова и др. (ред.) 2007], который опирается только на материалы экспедиций 1999—2000 гг. Это обусловлено двумя фактами — во-первых, существенно изменился состав авторского коллектива, а во-вторых, имевшиеся в сборнике 2007 г. сведения значительно дополнены с учетом достижений современной лингвистической науки.

На страницах данного издания вряд ли имеет смысл лишний раз напоминать, что в науке не имеется недостатка в исследованиях татарского языка, подтверждением чему является хотя бы фундаментальная грамматика [ТГ 1992—1995]. Мишарский диалект исследован несколько хуже, хотя ему посвящены как минимум две монографии [Махмутова 1978; Ахатов 1980]. Вместе с тем стоит отметить, что исследования татарского языка, ориентированные не только на дескрипцию языковых данных, но и на осмысление их в контексте современной типологии и лингвистической теории, не столь многочисленны. Именно эту лакуну и призвана заполнить рецензируемая книга.

Монография не может быть названа в прямом смысле этого слова грамматическим описанием мишарского диалекта, хотя по определенным признакам она стремится к этому статусу. В Предисловии открыто говорится, что издание не является грамматикой в привычном понимании этого слова и ставит своей целью прежде всего подробное описание некоторых фрагментов грамматической системы, в первую очередь тех, которые представляют особый интерес с точки зрения типологии и теории языка. Декларируется, что «участники проекта пользуются полной свободой в осмыслении и анализе данных, в выборе теоретической парадигмы и даже в отказе от этого выбора. Отсутствие ограничений, связанных с теоретическим самоопределением авторов, — принципиальная позиция редакторов этой книги» (Предисловие: ix). Рецензируемая книга, однако, явно ориентирована на формальные модели описания языка — в частности, на генеративный синтаксис и формальную семантику. Авторы честно предупреждают, что для понимания соответствующих теоретических построений необходимо «обратиться к соответствующей литературе». Вместе с тем, во многих разделах информация, необходимая для понимания теоретических положений, используемых в тексте, дается максимально подробно — см., например, детализированное изложение конкурирующих подходов к анализу семантики будущего времени в разделе 2.1.3.2.

Стоит отметить, что исследования, изложенные в монографии, выполнены на высоком научном уровне, чему способствует наличие в авторском коллективе ведущих специалистов в различных областях лингвистики. Так, автором многих разделов о семантике глагольных категорий является С. Г. Татевосов, один из лучших в России специалистов по глагольной морфологии, автором раздела о вариативном маркировании объекта — Е. А. Лютикова, видный специалист по синтаксису, на счету которой большое количество работ на соответствующую тематику. Глава «Финитные сентенциальные дополнения» написана А. В. Подобряевым, диссертация которого непосредственно связана с темой индексального сдвига, рассматриваемого в этой главе (см. [Podobryaev 2014]), а глава «Сравнительные конструкции» — Е. Г. Былининой, автором одной из самых значительных за последнее время диссертаций о синтаксисе прилагательных [Bylinina 2014]. Остальные авторы разделов монографии — студенты или выпускники отделения ТиПЛ, многие из которых продолжают сейчас обучение в престижных вузах Европы и США.

Несмотря на то что многие авторы монографии не являются опытными тюркологами, изданию, как представляется, удалось достичь заявленной цели, а именно — создать описание мишарского диалекта, которое ориентировано на современный уровень развития лингвистической науки. В первую очередь это удастся благодаря разумному использованию формальных подходов. В самом деле, не секрет, что большое количество работ, выполненных в парадигме генеративной лингвистики, отличается выборочным подходом к привлечению языкового материала и, как следствие, игнорированием сути проблемы во имя формальной безупречности теории. Подобных проблем рецензируемая книга, к счастью, лишена. Авторы не игнорируют проблематичные примеры и предлагают альтернативные варианты анализа в тех случаях, когда имеющиеся данные не могут указывать на однозначное решение. Именно поэтому большинство выдвигаемых в книге утверждений, даже если они потенциально ошибочны, могут быть в дальнейшем верифицированы на новом материале.

Как представляется, именно использование формальных теорий для объяснения существующих научных проблем является сильной стороной книги. Благодаря привлечению научных разработок последних лет удается предложить объяснение таким явлениям, как дифференцированное объектное маркирование, двойная каузативизация и др. Типологический контекст в монографии представлен в основном другими тюркскими языками, материал которых активно привлекается для аргументации, однако ограничивается в основном ими, в то время как многие описываемые явления имеют также очевидные типологические параллели за пределами семьи (о чем см. ниже).

Монография состоит из шести глав (Фонология и морфология, Система глагольных категорий, Актантная структура и актантные преобразования, Синтаксис именной группы, Синтаксис предикации и Синтаксис сложного предложения), а также из предваряющих их Предисловия с благодарностями и раздела «Руководство пользователя», в котором изложены принципы представления языкового материала. В конце монографии представлены тексты на мишарском диалекте, сбалансированные по жанровому признаку: в разделе есть исторические нарративы (3), бытовые рассказы (9), сказки (4) и литературные произведения (2). Все тексты раздела снабжены поморфемной аннотацией и переводом. Далее мы кратко охарактеризуем содержание книги.

2. Краткая характеристика разделов

Разделение монографии на главы соответствует традиционному подразделению на языковые уровни (фонетика — морфология — синтаксис). Главы весьма неравноправны с точки зрения структуры книги. **Глава 1**, посвященная фонетике и морфологии, носит явно справочный характер. Фонологии в книге отводится незначительное место (всего 7 страниц): в **разделе 1.1** приводятся лишь самые базовые сведения об инвентаре фонем и базовых фонологических процессах. В **разделе 1.2** приводятся основные сведения о структуре словоформ, парадигмах и частях речи. Все сведения о семантике грамматических показателей, выбранных авторами для подробного обсуждения, обобщены в **главе 2**.

В **разделе 2.1** характеризуется инвентарь граммем времени и аспекта. Изложение строится по принципу «от значения к форме»: сначала дается описание основных аспектуальных значений (перфективное, актуально-длительное, хабитуальное), затем говорится, какие мишарские глагольные формы могут выражать то или иное значение. Результаты представлены в виде таблицы (с. 65), из которой становятся ясными основные различия между Претеритом, Плюсquamперфектом, Имперфектом, Презенсом и двумя Футурумами. Так, в мишарском диалекте Претерит, но не Плюсquamперфект может выражать хабитуальное значение, в то время как Имперфект и Презенс могут выражать как хабитуальное, так и актуально-длительное значение. Принципиальная разница между двумя последними формами становится ясна из таблицы на с. 67, где характеризуются доступные для глагольных форм временные интерпретации: Имперфект, в отличие от Презенса, не употребляется в контекстах настоящего и будущего. Отдельно обсуждается проблема конкуренции двух показателей Футурума. Для решения этой проблемы привлекаются разработки проекта EuroTurp под руководством известного аспектолога Э. Даля, в рамках которого была предпринята наиболее масштабная попытка исследовать дистрибуцию показателей будущего времени в языках мира. Автор раздела, впрочем, приходит к выводу, что типологические исследования не позволяют объяснить данные мишарского диалекта. Однако позволяет сделать это (по крайней мере, частично) крайне интересная формальносемантическая теория Б. Копли, излагаемая на страницах книги. Привлечение этой теории позволяет выявить, что мишарские футуральные формы на *-aǰak* плохо совместимы с речевыми актами предложения («Давай я приготовлю кофе»). Это хорошо согласуется с уже высказанными по поводу татарского языка предположениями, что формы на *-aǰak* обладают большей «категоричностью», поскольку обозначают действия, которые субъект будет делать вне зависимости от взятых на себя обязательств (см. обсуждение и ссылки на литературу на с. 71). Однако эти формы, по-видимому, также требуют присутствия в контексте скрытого условия, которое можно приблизительно передать как «при любых обстоятельствах».

В **разделе 2.2** глагольные лексемы характеризуются с точки зрения их акциональности. В этом разделе последовательно применяется методология, детально обоснованная в [Татевосов 2010, 2015, 2016]. Эта методология обосновывает расширение акциональной классификации З. Вендлера, согласно которой все глагольные лексемы по своим аспектуальным свойствам делятся на четыре базовых класса — стативы, деятельности, свершения и достижения. Подход, предлагаемый С. Г. Татевосовым, основывается на признании неуниверсальности подобного деления и опирается на эмпирическую процедуру выделения спектра аспектуальных значений, которую можно применить к любому естественному языку. В разделе делаются эмпирические обобщения относительно того, какие лексемы относятся к разным ак-

циональным классам, а также описываются случаи, когда мишарский материал нарушает предсказания теории акциональности.

В разделе 2.3 обсуждаются формы, способные выражать значения из семантической зоны эвиденциальности и адмиративности — Перфект (*-gan*) и аналитические адмиративные формы, выражаемые причастными формами с показателем *ikän*. Дистрибуция Перфекта характеризуется с помощью логического понятия абдукции — логической операции, с помощью которой делается причинное объяснение наблюдаемой ситуации: «опираясь на наличествующее положение вещей *a*, мы даем им причинное объяснение *b*, предполагая, что *b* в нашем мироздании влечет за собой *a*» (с. 129). С помощью тестов с минимальными парами становится ясно, что формы Перфекта допустимы в предложениях, описывающих ситуации, для которых возможна обусловленная общими знаниями о мире абдукция, при этом параметр прямой/непрямой засвидетельствованности ситуации не имеет решающего значения. Адмиративные формы отличаются от перфектных тем, что для них решающее значение имеет параметр неожиданности, которая понимается как несовместимость между полученным знанием о ситуации и контекстным знанием, в соответствии с которым это знание кажется маловероятным.

Далее в разделе рассматривается Репортатив — аналитическая форма с перфектным причастием и связочным глаголом *imeš*. Употребление Репортатива, в отличие от Перфекта и адмиративных форм, допустимо при указании на источник информации. Таким образом, три описываемые формы различаются по независимым логическим параметрам: употребление Перфекта определяется общими знаниями о контексте, Адмиратива — несоответствием полученного знания ассимилированной говорящим контекстуальной базе, а Репортатива — источником знания (оно должно быть деперсонифицированным). Такое противопоставление, однако, характерно для описания прошедших событий. В разделе, кроме того, характеризуются особенности этих трех форм в контекстах настоящего и будущего, а также в контекстах снятой утвердительности — например, в составе вопросительных предложений.

В разделе 3.1 рассматриваются свойства повышающих актантных дериваций — каузатива и ассистива. В начале главы строится исчисление каузативных предикатов исходя из семантико-синтаксических типов предикатов, от которых они образованы: отдельно описываются свойства каузативов от переходных, непереходных, эмотивных, экспериенциальных и др. глаголов. Для показателей пассива (*-l-*) и депациентива (*-n-*) описывается спектр значений.

Отдельно в главе обсуждается так называемый каузативный пассив — явление, при котором субъект клаузы является не волитивным каузатором, а участником, претерпевающим действие, обозначаемое глаголом. Примером может служить следующее мишарское предложение:

(1) *alsu renat-tan üp-ter-te*

Алсу Ренат-ABL целовать-CAUS-PST

‘Алсу позволила Ренату поцеловать (себя)’. (с. 174)

Проблема полисемии показателей, которые совмещают значения понижающей и повышающей актантной деривации, получила широкое освещение в литературе — см., например, [Yap, Shoichi 2003; Rhee, Koo 2014] о корейском языке, [Say 2013] о калмыцком и [Haspelmath 1990] о типологии феномена. Вместе с тем нельзя сказать, что попытки объяснить механизмы возникновения данной полисемии отличались убедительностью. В рецензируемой книге объяснение базируется на двух фактах. Во-первых, пассивное прочтение каузатива возникает только у переходных глаголов с невыраженным пациенсом (в примере выше им является ‘Алсу’). Во-вторых, каузатив должен выступать в пермиссивном значении. Таким образом, пассивная интерпретация обуславливается контекстной поддержкой и не выводима из ингерентных семантических свойства каузативного показателя. Можно отметить, что подобное рассуждение, которое в тексте не формализуется, следует идеям М. Хаспельмата, согласно которым развитие пассива из каузатива происходит через стадию рефлексивного каузатива.

В центре раздела 3.2 находится подробный формальный анализ одной актантной деривации, а именно, ассистива (показатель *-š-*), или суффикса, обозначающего сопровождение ситуации дополнительным участником (‘помогать X-у делать V’). Для анализа автор привлекает декомпозиционный анализ глагольных предикатов, который базируется на допущении о том, что глагольная словоформа может содержать в своем семантическом представлении более одного подсобытия. Декомпозиционный анализ хорошо себя зарекомендовал при анализе залоговых дериваций, поскольку оказался способен объяснить факты вариативной сферы действий ряда операторов, которые могут по-разному модифицировать глагольную словоформу (см., например, [Shibatani, Pardeshi 2002] о каузативах). В (2) показатель отрицания может либо отдельно модифицировать показатель ассистива (интерпретация 1), либо модифицировать все событие целиком (интерпретация 2):

(2) *marat zexrā-ga išek-ne ač-x-š-m-a-dx*

Марат Зухра-DAT дверь-ACC открывать-ST-REC-NEG-ST-PST

1. 'Марат не помог Зухре открыть дверь {= Зухра открыла дверь сама}'. (с. 204)

2. 'Марат не помог Зухре открыть дверь {= ни Марат, ни Зухра не пытались открыть дверь}'.

Обе интерпретации объяснимы, если принять предположение о том, что ассистив является отдельной вершиной, вводящей ассистирующее подсобытие. В таком случае показатель отрицания может модифицировать его отдельно.

Интересным представляется рассуждение о порядке аффиксов в мишарских словоформах, в которых содержатся одновременно суффиксы каузатива и ассистива. Так, в (3) нарушается известный принцип зеркальности (см. [Baker 1985]), согласно которому показатели, стоящие в самой правой позиции в словоформе, должны иметь самую широкую сферу действия. Напротив, каузатив имеет в (3) более широкую сферу действия, чем ассистив:

(3) *marat min-nān ruslan-ga čap-tr-x-š-tr*

Марат я-DAT Руслан-DAT косить-CAUS-ST-REC-PST

'Марат заставил меня помочь Руслану косить'. (с. 206)

Автор справедливо отмечает, что в этом отношении система мишарского диалекта напоминает систему многих языков банту, в которых наблюдаются аналогичные нарушения принципа зеркальности. В банту, впрочем, порядок, при котором этот принцип нарушается, признается архаичным и не воспроизводится в речи носителей младших поколений (см., например, [McPherson, Paster 2009])¹.

В разделе 3.3 «Одинарный, двойной и фальшивый каузатив» в центре внимания оказывается двойная каузативизация. Основная проблема состоит в том, что в некоторых случаях глагольные формы, имеющие один показатель каузатива, не отличаются по значению от форм, в которых имеется два показателя, ср. (4) и (5):

(4) *trener marat-nx jeger-t-te.*

тренер Марат-ACC бегать-CAUS-PST

'Тренер заставил Марата бегать'.

(5) *trener marat-nx jeger-t-ter-de.*

тренер Марат-ACC бегать-CAUS-CAUS-PST

'Тренер заставил Марата бегать'. (с. 227)

¹ В этой связи, однако, интересно, что суффикс *-š-* является полисемичным и имеет в мишарском диалекте также значения из зоны глагольной множественности — в частности, реципрокальное и ассоциативное. В полной мере соглашаясь с автором насчет того, что вопрос о причине нарушения принципа зеркальности не может быть на данный момент решен окончательно, мы, тем не менее, укажем на некоторые другие типологические параллели. Нарушение принципа зеркальности зафиксировано для аффиксов множественности в некоторых языках — например, в горномарийском. Так, в (i) суффикс каузатива имеет более широкую сферу действия по сравнению с суффиксом множественности *-al-*, поскольку высказывание обозначает каузацию незначительно выраженного состояния 'быть испуганным':

(i) *pet'a vas'a-m lüd-äkt-äl-än*

Петя Вася-ACC испугаться-CAUS.D-ATT-PRET

'Петя припугнул Васю {= заставил Васю испугаться несильно}'. (полевые материалы автора, с. Кузнецово)

Суффикс *-al-* должен располагаться в крайней правой позиции в словоформе, однако может иметь в своей сфере действия одно или несколько подсобытий. В случае (i) суффикс «пропускает» каузативное подсобытие, обозначаемое каузативным маркером, и модифицирует напрямую глагольную основу. Причина этого, как представляется, в том, что каузативный маркер недоспецифицирован в своих дескриптивных свойствах — иными словами, он может обозначать любой тип каузации, и эта информация не задается напрямую суффиксом. В свою очередь, суффикс *-al-* требует, чтобы эта дескриптивная информация была специфицирована, и в силу семантического конфликта прямая модификация суффиксом множественности суффикса каузатива становится невозможна. Таким образом, кажущееся нарушение принципа зеркальности становится объяснимым именно в силу того, что более правый модификатор в словоформе берет в свою сферу действия подсобытие, которое локализовано в структуре более низко, чем аффикс каузатива. Как следует из текста рецензируемой монографии, мишарские каузативы так же недоспецифицированы по своим дескриптивным свойствам, как и горномарийские, поэтому, на наш взгляд, можно предполагать наличие определенных параллелей в глагольных системах двух языков.

Автор главы предлагает убедительное решение проблемы, которое базируется на понимании того, что каузативная деривация обозначает не введение в структуру глагола каузатора, а добавление каузирующего подсобытия, которое может быть разделено с самим каузатором. Этот подход впервые опробован в [Pulkkänen 2002], благодаря чему удалось объяснить, например, некоторые некаузативные эффекты употребления каузатива в финском языке. При подобном подходе двойной каузатив сопровождается добавлением двух каузирующих подсобытий, но не двух каузаторов, и, таким образом, двойная каузация обозначает не наличие промежуточных каузаторов, а в некотором роде «удлинение» причинно-следственной цепочки, приводящей к событию, обозначаемому глагольной основой. Мы вернемся к обсуждению данного раздела в п. 3 рецензии.

В разделе 3.4 описываются отыменные и отадективные глаголы, которые в мишарском диалекте образуются с помощью суффикса *-la*. Для их описания привлекается известная теория, изложенная в [Hale, Keyser 2002]. Основная цель этой теории — объяснить, по каким именно принципам значение глагола выводимо из значения существительного или прилагательного, от которого он образован. Для отыменных глаголов таких возможностей на самом деле немного: теория Хейла и Кейсера предсказывает, что, например, от существительного *седло* ни в каком языке нельзя образовать глаголы со значением ‘быть седлом’, ‘стать седлом’, однако можно образовать глагол со значением ‘поместить в седло’ (*оседлать*). Несколько упрощая картину, можно сказать, что в мишарском диалекте любые отыменные глаголы обозначают каузацию такой сущности, которая характеризуется исходным существительным, или, возможно, группой существительного с (выраженным нулем) предлогом/послелогом. Так, например, глагол *maj-l-xj* ‘маслить’ может быть представлен в виде определения ‘каузировать так, чтобы X был в масле’, *naz-l-xj* ‘ласкать’ — в виде ‘каузировать ласку’, *jara-l-xj* ‘ранить’ = ‘каузировать рану’ и т. д. Если тот же суффикс прибавляется к прилагательному, результирующий глагол получает значение ‘стать A’: *jäsel* ‘зеленый’ — *jäsel-l-i* ‘позеленить, покрасить в зеленый цвет’.

В разделе тестируются предсказания существующих теоретических обобщений — в частности, о взаимозависимости типа исходного существительного и акциональности образованного от него глагола. Важное обобщение для мишарского диалекта состоит в том, что если группа существительного, которую можно представить в виде исходной по отношению к глаголу, обозначает состояние, то у глагола обязательно должна иметься интерпретация вхождения в состояние. К примеру, в случае глагола *maj-l-xj* ‘маслить’ исходной группой существительного является ‘в масле’, поэтому глагол обязательно должен иметь предельную интерпретацию. В качестве других источников предельности называется также инкрементальность пациенса: у отыменных глаголов типа *suka-l-xj* ‘пахать плугом’ предельность возникает благодаря инкрементальному отношению между этим предикатом и его пациенсом. Наконец, предельность может обеспечивать и т. н. минимальный стандарт сравнения: в случае предиката *tir-l-i* ‘вспотеть’ глагол может иметь предельную интерпретацию ‘вспотеть’, которая будет уместна, если этот глагол описывает появление хотя бы минимальной порции пота.

В разделе 4.1 рассматривается структура именной группы (ИГ). Вначале дается краткая информация об основных категориях имени (числе, посессивности и падеже), затем рассматривается базовый порядок модификаторов в ИГ. Интересным фактом является то, что распространенные причастные обороты и одиночные причастия занимают разные структурные позиции, хотя их грамматическая дистрибуция одинакова. Для распространенных причастных оборотов характерно расположение на левой периферии, в то время как одиночные причастия располагаются правее, то есть ближе к вершине ИГ. Предлагаемое объяснение заключается в том, что более распространенные («тяжелые») составляющие склонны выдвигаться влево в ИГ, поскольку это создает меньше проблем при парсинге высказывания (объяснение такого рода фактов см. в [Hawkins 1994]). Чем раньше при восприятии высказывания будет «закрыта» распространенная составляющая, тем более экономным будет анализ, и автор раздела высказывает гипотезу, что именно экономность анализа послужила главной причиной грамматикализации наблюдаемого порядка составляющих в ИГ. Информация о структуре ИГ также суммируется в виде иерархии составляющих в разделе 4.3.

В центре внимания раздела 4.2 находится вариативное маркирование приименных модификаторов в ИГ. Имя, которое модифицирует вершину ИГ, может быть аппозитивным (то есть получать нулевое маркирование) либо выступать в составе изафетных конструкций двух типов: в первом случае зависимое имя маркируется генитивом, во втором — нет. Различие между двумя типами изафетных конструкций не может быть сведено к наиболее типологически частым факторам вроде семантических отношений между составляющими или их референциального статуса. Поэтому для анализа феномена автор раздела предлагает многофакторную модель, которая определяет весовые коэффициенты для таких характеристик имени, как референциальный статус и выделенность участника дискурса, обозначаемого именем, а также вводит фактор простоты синтаксического анализа, отражающий принцип экономии (см. замеча-

ния к разделу 4.1). Модель предсказывает, что генитивное кодирование предпочитается в изафетной конструкции тем чаще, чем больший суммарный весовой коэффициент имеет составляющая. Особым достоинством раздела является тот факт, что модель проверяется на материале сконструированного автором эксперимента на перевод связного текста. Несмотря на то что в исследовании отражается материал, полученный всего от трех носителей, эксперимент в силу эксплицитности его постановки может быть воспроизведен и на гораздо большей выборке.

В разделе 4.4 рассматриваются фокусные частицы, и особое внимание уделяется клитике *gɾna/genä* (переводящейся в книге как ‘только, лишь бы, только что, именно’), которая, в отличие от других частиц этого класса, может располагаться не только справа от фокусируемой ИГ, но и внутри нее. В некоторых случаях, располагаясь после составляющей внутри ИГ, частица может иметь, тем не менее, широкую сферу действия:

- (6) *matur gɾna kɾz kitap uk-ɾ-dɾ, ä ŧrk-sɾz malaj xat jaz-dɾ.*
красивый ФОС девочка книга читать-ST-PST а красота-CAR парень письмо писать-PST
‘КРАСИВАЯ ДЕВУШКА читала книгу, а некрасивый парень писал письмо’. (с. 348)

Как следует из материала раздела, идентичными свойствами обладают также причастия и относительные предложения. В структуре ИГ они располагаются слева от имени, но могут присоединять справа от себя фокусную частицу, в сфере действия которой они бы оказывались. В таком случае эта частица модифицирует ИГ целиком. Указательные местоимения, генитивные зависимые и числительные такого эффекта не имеют — если к ним присоединяется фокусная частица, узкий фокус возможен:

- (7) {Вопрос:сколько у тебя книг?}
(*min*) *ike genä kitap (bar-ɾm).*
я два ФОС книга есть-1SG
‘(У меня) ДВЕ книги’. (с. 365)

Авторы раздела выдвигают гипотезу о том, что разная сфера действия характерна для составляющих разного типа: составляющие-спецификаторы (то есть генитивные зависимые) могут иметь только узкий фокус, а прилагательные и причастия, являющиеся адьюнктами, не могут его иметь вообще. Составляющие-вершины (указательные местоимения и числительные) могут иметь как узкий фокус, так и широкий. К сожалению, эти утверждения в разделе никак не развиваются, поскольку авторы ограничиваются изложением эмпирического материала.

В разделе 5.1 даются базовые сведения о простом предложении. Этот раздел носит справочный характер и содержит информацию об основных типах простого предложения и некоторых ограничениях на их образование. В разделе 5.2 рассматривается явление, известное как дифференцированное объектное маркирование (ДОМ). В мишарском диалекте прямой объект может опционально маркироваться показателем аккузатива, при этом именные группы могут иметь достаточно большое количество зависимых. Модификация зависимыми зачастую коррелирует с определенным референциальным статусом ИГ, однако определенность не является главным фактором, требующим аккузативного маркирования. Автор раздела последовательно развивает и доказывает следующую гипотезу: в конструкциях двух типов — с показателем аккузатива и без — представлены структуры двух видов, соответственно DP и NP. Это рассуждение проистекает из представления о том, что именные группы в языках мира имеют оболочку, ответственную за референциальные свойства ИГ, и эта оболочка (DP) может быть выявлена различными синтаксическими тестами даже в том случае, если в конкретном языке у нее нет ненулевого выражения (см. в первую очередь [Abney 1987]). В мишарском диалекте ИГ, маркированные аккузативом, не могут сочиняться с ИГ, которые не маркированы им, и, следовательно, эти два типа составляющих представляют собой структуры разного уровня. Автор отвергает гипотезу, согласно которой немаркированные ИГ (NP) инкорпорируются в глагол — именно так анализируются немаркированные ИГ в некоторых языках. Вместо этого для мишарского материала предлагается анализ, основанный на идее о том, что падеж может быть приписан только структурам уровня DP, и такие структуры, получив падеж от глагольной группы, далее могут подвергаться передвижениям, связанным с коммуникативной структурой (то есть могут быть выдвинуты влево, например, в топиальную позицию). Напротив, структуры уровня NP не могут выдвигаться влево, поскольку никакая позиция в левой периферии не способна приписать падеж, и это объясняет, почему такие группы в мишарском диалекте всегда расположены строго в предглагольной позиции. В конце раздела рассматриваются некоторые различия между говорами мишарского диалекта: в частности, в сергачском говоре именные группы, не маркированные аккузативом, могут выдвигаться влево, чему дается в разделе некоторое формальное объяснение.

В разделе 5.3 рассматриваются сложные предикаты (конструкции со вспомогательными глаголами) — неразрывные комплексы глаголов, которые состоят из предиката с лексическим значением и легкого глагола, или сериализатора, который модифицирует аспектуальные свойства лексического глагола. Семантика таких конструкций в большинстве тюркских языков неоднократно обсуждалась в литературе, однако в разделе рассматривается формальная сторона явления. Сериализаторы анализируются как модификаторы событийной структуры исходного глагола, которые частично потеряли свое лексическое значение. С формальной точки зрения, они являются функциональными проекциями, позиция которых локализована над проекцией *vP*. К сожалению, в такой формулировке это обобщение кажется малоинформативным, поскольку позволяет объяснить отдельные факты — к примеру, тот факт, что сериализатор не проецирует собственных аргументов — но не отвечает на целый ряд вопросов. Во-первых, как именно сериализатор модифицирует лексический глагол? Автор раздела признает, что между семантическими свойствами сериализаторов и глаголов, которые послужили их лексическим источником, наблюдается явная связь, и описывает также некоторые существующие различия между разными сериализаторами (см. также обобщающие таблицы, суммирующие эти различия, в [Гращенко 2015: 59—92]). Объяснимы ли эти факты в терминах упоминаемой автором структуры события Дж. Рэмчанд [Ramchand 2008]? По этому поводу сказано следующее: «Если исходить из того, что лексическое значение обычного глагола представимо как сумма некоторых (не имеющих самостоятельного фонологического выражения) атомарных синтаксических проекций, можно предположить, что в случае сериализаторов основная часть этой лексической структуры выветрилась — произошел, так сказать, “распад лексического ядра”. Новообразованные вспомогательные глаголы, тем не менее, все же сохранили некоторое незначительное количество структуры исходных лексических единиц, благодаря чему мы и наблюдаем все перечисленные выше свойства, в первую очередь — способность принимать деривационную морфологию» (с. 424). В то же время, верно ли, что если лексическая структура сериализатора выветривается, то событийная остается? (Отметим, что иногда семантика сериализаторов действительно анализируется именно в терминах событийной структуры Рэмчанд, см., например, [Wiklund 2008; Balusu 2014; Ozarkar, Ramchand 2018]).

К сожалению, структуру раздела в целом нельзя признать удачной, поскольку в ходе изложения читатель сначала узнает, что сериализаторы частично сохраняют свои лексические свойства, затем предлагается некоторая формализация этого наблюдения, а большая часть раздела посвящена простому перечислению сочетаемостных свойств сложных предикатов с различными грамматическими показателями. В результате остается неясным, почему эта сочетаемость имеет такое важное значение. Справедливости ради отметим, что анализ был развит автором раздела в последующих работах (см. [Гращенко 2015, 2017]), где способность сериализатора присоединять деривационные и словоизменительные показатели получает интересное объяснение в терминах просачивания признака, поэтому тем, кому интересна данная проблематика, можно рекомендовать указанные работы для прояснения картины.

В разделе 5.4 обсуждается синтаксис сравнительных конструкций, которые в мишарском диалекте образуются тремя способами — с помощью исходной формы прилагательного, сравнительной степени, маркируемой показателем *-rak*, или аналитической конструкции с послелогом *karaganda*. Показатель *-rak* может выступать не только как показатель сравнительной степени, но и как модификатор прилагательных, который обозначает невысокую степень проявления признака (‘глуповатый’, ‘мокроватый’). В связи с этим возникает вопрос: сводимы ли эти два употребления к единому инварианту? Автор дает на этот вопрос отрицательный ответ, поскольку в сравнительных конструкциях показатель *-rak* может употребляться и тогда, когда два объекта значительно отличаются друг от друга по сравниваемому признаку (‘X намного более А, чем Y’). Однако такое решение может вызвать возражение сразу по нескольким причинам. Во-первых, *-rak*, как это следует из изложения, в большинстве сравнительных конструкций необязателен, и, следовательно, не его присутствие определяет наличие в клаузе компаративной семантики. Во-вторых, постулирование двух разных значений суффикса представляется неэкономным. Поэтому закономерен вопрос: нельзя ли анализировать суффикс *-rak* как маркер отклонения от стандарта, что было бы приемлемо как в случае компаративных конструкций, так и в случае форм со значением ‘мокроватый’? Впрочем, даже утвердительный ответ на этот вопрос требует проработки формального описания того, как семантика суффикса взаимодействует с семантикой адъективной основы и контекстом.

Возможные возражения вызывает и трактовка начальной формы прилагательного в сравнительной конструкции как формы с «нулевым показателем» компаратива. Среди языков мира засвидетельствованы такие, в которых компаративная форма прилагательного является основной и может проецировать собственные аргументы — к их числу можно отнести, к примеру, волоф, см. [McLaughlin 2004]. Несмотря на выбор той или иной трактовки, однако, стоит признать, что в разделе отмечена важная особенность мишарских компаративов — их аргументы имеют ограничения на передвижение. Например, вы-

нос группы стандарта сравнения, маркированной аблативом, в крайнюю правую позицию невозможен, если в предложении есть наречия, модифицирующих структуру уровня клаузы:

- (8) a. *kičä marat ruslan-nan küñelle(-räk) i-de.*
вчера Марат Руслан-ABL радостный-COMP быть-PST
- b. *?ruslan-nan kičä marat küñelle(-räk) i-de.*
Руслан-ABL вчера Марат радостный-COMP быть-PST
'Вчера Марат был радостнее Руслана'. (с. 452)

Передвижение именных групп внутри клаузы ограничено именно в силу их аргументного статуса, точно так же как ограничено, к примеру, и передвижение базовых аргументов глагола. В то же время аналитическая конструкция с послелогом *karaganda* таких ограничений не имеет, поскольку является адьюнктом сентенциального уровня.

Далее в разделе обсуждается непосредственно семантика сравнительных конструкций. В языках мира они могут различаться по параметру того, сущности какого типа могут сравниваться — сущности, обозначаемые именными группами, пропозиции, степени и др. Интерес представляет тот факт, что в мишарском диалекте в качестве основания для сравнения не могут употребляться финитные клаузы ('Джон выше, чем я думал'), и язык для преодоления этого ограничения использует стратегию с нефинитными глагольными формами. В (9) в качестве основания для сравнения выступает клауза, возглавляемая перфектной формой в функции номинализации:

- (9) *min ujla-gan-ga karaganda bu malaj ɣɜɣn(-rak)*
я думать-PFCT-DAT по.сравнению.с этот мальчик высокий-COMP
'Этот мальчик выше, чем я думал'. (с. 461)

Вместе с тем допустимость подобных клауз снижается, если предложение с перфектной формой маркируется аблативом. Из этих фактов автор делает вывод, что послелог *karaganda* «допускает больше возможностей по извлечению информации о релевантной степени реализации параметрического свойства из выражения с событийной референцией, чем аблативный сравнительный оператор» (с. 463). Иными словами, послелог, модифицирующий клаузу, можно представить как оператор, выделяющий некоторую степень из ее пропозиционального содержания. Аблативный показатель такими свойствами не обладает: он может связывать между собой только две сущности (сравниваемый объект и стандарт сравнения), но не оперировать степенями, которые характеризуют эти сущности.

Раздел 6.1 посвящен типологически ориентированному описанию различных классов обстоятельственных предложений. Это предложения времени, условия, причины, места, цели и др. Для каждого семантического типа обстоятельственных предложений указываются формальные средства его выражения и наиболее важные особенности синтаксиса, причем если для одного типа клауз типологически выделяется несколько подтипов, то характеризуется каждый такой подтип: например, отдельно описываются условные предложения с реальным, контрфактическим и гипотетическим условием.

Отдельно описываются также два особых класса деепричастий — деепричастия на *-p* и редуцированные деепричастия. Особенность деепричастий первого класса состоит в том, что их значение недоспецифицировано и они могут выражать как предшествование, так и одновременность. В разделе показано, как эти значения могут быть предсказаны, исходя из принятых в монографии представлении об акциональности глаголов (подробнее о которой говорится в разделе 2.2.2). Редуцированные деепричастия по своим свойствам сходны с деепричастиями на *-p*, однако они могут выражать только действие, одновременное с действием, обозначаемым главной клаузой.

Далее в разделе отдельно обсуждаются синтаксические отношения в предложениях, содержащих деепричастия на *-p*. В мишарском диалекте субъект деепричастия на *-p* может быть коиндексирован с субъектом главной клаузы в том случае, если между ними можно установить отношение «часть-целое» или если между клаузами существует определенное семантическое отношение (в числе таких отношений в разделе называются каузальное и уступительное). Пример предложения с разносубъектными клаузами представлен в (10).

- (10) *minem bärel-e-p ɣɜɣn-ɣm kan-a-dɣ.*
я.GEN ударяться-ST-CONV нос-1SG кровоточить-ST-PST
'Я ударился, и у меня из носа пошла кровь'. (с. 520)

Теоретическую проблему в случае примеров такого рода представляют генитивные подлежащие, которые семантически относятся к зависимой клаузе, но одновременно выступают как посессор подлежа-

щего главной клаузы. Среди нескольких вариантов анализа таких конструкций выбирается анализ, согласно которому на начальном этапе деривации генитивное подлежащее на самом деле является модификатором именной группы ('мой нос' для примера выше), однако потом подвергается передвижению влево. После передвижения генитивная группа контролирует *pro* в зависимой клаузе, однако этот контроль, предположительно, необязателен. В разделе изложены аргументы за и против такого решения.

В разделе 6.2 описываются стратегии образования относительных предложений: типичная для тюркских языков преноминальная (зависимое предложение находится в препозиции) и финитная, при которой в относительной клаузе, расположенной справа от модифицируемого имени, используется финитная форма глагола. При стратегии первого типа в относительной клаузе могут использоваться причастия четырех видов — с показателем Перфекта *-gan*, с показателем имперфективного деепричастия *-a tırğan*, производного от перфектного причастия, футурального причастия на *-açak* и причастия одновременности на *-uçr*. Последние две формы употребляются редко и отмечаются, как правило, в речи старших поколений. Стратегии охарактеризованы с точки зрения доступности позиций на иерархии Кинэна — Комри: наиболее распространенная стратегия с причастием на *-gan* покрывает все позиции на иерархии, однако для релятивизации тех позиций, которые для нее менее доступны, используется финитная стратегия. Отдельно в разделе рассматриваются безвершинные относительные конструкции, которые в мишарском диалекте образуются с помощью глагольных форм на *-gan*, то есть с тем же самым показателем, который образует перфектные формы и номинализации. Синтаксис причастий на *-gan*, однако, отличается от синтаксиса номинализаций: в первом случае субъект оформляется номинативом, а во втором — обычно генитивом. Это не позволяет считать два типа конструкций идентичными. В разделе также кратко рассматриваются два типа коррелятивных конструкций, которые могут образовываться либо с помощью вопросительных местоимений, либо с помощью глагольных форм кондиционалиса.

В разделе 6.3 рассматриваются сентенциальные дополнения. Отдельно характеризуется синтаксис номинализаций, инфинитивов, деепричастий и конструкций с формами дезидератива и облигатива. Следует отметить явную незавершенность этого раздела: из него читатель узнает некоторые факты о синтаксисе этих конструкций, в частности о падежном кодировании и особенностях согласования, а также о вариантах анализа — однако во всех случаях окончательного выбора анализа не происходит в силу недостатка данных.

В центре внимания раздела оказываются сентенциальные дополнения с союзом *di(je)p*. Этот союз вводит дополнения при глаголах речи, ментальных процессов и психического восприятия, однако совершает при этом нетривиальные семантические операции с пропозициональным содержанием клаузы. Так, в (11) местоимение *min* 'я' может интерпретироваться как относительно произносящего этого высказывание, так и относительно субъекта главной клаузы:

- (11) *marat [min alsu-nx sej-ä-m dijep] ujl-ıj.*
 Марат [я Алсу-ACC любить-ST.IPFV-1SG SUB думать-ST.IPFV
 1. 'Марат думает, что я люблю Алсу'.
 2. 'Марат думает, что он любит Алсу'. (с. 548)

Предлагаемое решение заключается в том, что в синтаксической структуре между позицией подлежащего зависимой клаузы и финитной клаузы находится особый семантический оператор, ответственный за реинтерпретацию местоимений в своей сфере действия. Это явление известно в литературе как индексикальный сдвиг, и анализ в подобных терминах позволяет не постулировать омонимию обычных и логофорических местоимений (подробнее мы обратимся к этому разделу в п. 3).

В конце раздела 6.3 приводится таблица, в которой обобщены сведения о моделях управления 57 глагольных предикатов, присоединяющих сентенциальные дополнения.

В разделе 6.4 описывается номинализация с показателем *-u*. Приводятся сведения о том, предикаты с какими деривационными показателями могут образовывать номинализации, какие синтаксические позиции номинализации могут заполнять, как номинализации могут сочетаться с именными модификаторами, каково падежное оформление аргументов. Отдельно дается информация о том, какие семантические эффекты могут наблюдаться при присоединении показателя множественного числа к номинализованному глаголу. Эти наблюдения представляются интересными, особенно в свете исследований последнего времени о введении семантики глагольной множественности за пределами глагольной группы (см., в частности, работы А. Алексиаду и Дж. Иордакьоайа). Однако для полноценного описания феномена критически не хватает данных о том, какую семантику имеет собственно глагольная множественность (которая, как следует из раздела 6.4.1, может быть введена в номинализацию показателем фреквентатива) и в чем состоят семантические различия при использовании двух разных стратегий. В целом можно сказать, что в разделе не хватает последовательности и четкой магистральной линии исследова-

ния, и поэтому представленные в нем разрозненные факты не складываются в единую картину, хотя в нем представлено достаточно много разрозненных эмпирических данных о синтаксисе номинализаций.

В разделе 6.5 обсуждаются анафорические отношения в сложноподчиненном предложении — в первую очередь поведение рефлексивных местоимений. Рассматриваются не только собственно рефлексивные, но также и типологически распространенные интенсификаторные употребления. Раздел представляет собой типологически ориентированное описание употреблений рефлексивов, прономинатов и нулевых местоимений (PRO) в различных типах контекстов, в частности в подчинительных клаузах нескольких типов. Ценным наблюдением является то, что рефлексивные местоимения в мишарском диалекте не обязаны быть строго локальными и могут быть коиндексированы как с подлежащим зависимой клаузы, так и с антецедентами, расположенными в главной клаузе.

Наконец, в разделе 6.6 на примере нескольких видов конструкций обсуждается проблема сочинения и подчинения. Конструкции с союзом *čenki* проявляют одновременно свойства сочинительных и подчинительных. По большинству известных критериев эти конструкции ведут себя как сочинительные, однако по некоторым — как подчинительные. Так, в сочинительных конструкциях во второй клаузе возможно подвергнуть эллипсису глагол 0, однако в конструкциях с *čenki* это опущение невозможно:

(12) *min čistaj-ga kit-te-m, ä marat kazañ-ga* ____.
я Чистополь-DAT уезжать-PST-1SG а Марат Казань-DAT
'Я уехал в Чистополь, а Марат (уехал) в Казань'.

(13) **min čistaj-ga kit-te-m, čenki marat kazañ-ga* ____.
я Чистополь-DAT уезжать-PST-1SG потому.что Марат Казань-DAT
'Я уехал в Чистополь, потому что Марат (уехал) в Казань'. (с. 644)

В разделе описываются также другие конструкции, и, пожалуй, главным выводом является предположение о том, что мишарские конструкции представляют собой разные феномены с точки зрения семантики и синтаксиса: они являются подчинительными на семантическом уровне, но сочинительными на синтаксическом.

Из всего сказанного можно увидеть, что рецензируемая монография вносит значительный вклад в изучение татарского языка — прежде всего потому, что в ней затрагиваются проблемы, которые исследователи предыдущих поколений просто не ставили перед собой. При этом помещение мишарских данных в типологический контекст позволяет по-новому взглянуть на некоторые явления и найти оригинальные решения. Стоит отметить, что книгу отличает бережный подход к работам предшественников — практически во всех случаях ясно, что нового вносят исследования авторов по сравнению с классическими описаниями татарского языка, поскольку авторы приводят наблюдения предшественников и подробно анализируют их (несколько выбивается из этого ряда разделы 6.4 и 6.5, исследовательская программа которых не вполне ясна). В следующем пункте мы подробно разберем наиболее существенные, с нашей точки зрения, выводы, сделанные в книге, которые представляют большой интерес не только для тюркологии, но и для теории языка в целом.

3. Общее обсуждение

Кратко охарактеризовав содержание рецензируемой монографии, в заключительной части мы выскажем некоторые общие критические замечания и отметим самые ценные, на наш взгляд, теоретические наблюдения, высказанные авторами.

Как было сказано выше, в некоторых своих частях монография детализированностью напоминает фундаментальное грамматическое описание. К примеру, раздел, посвященный глагольной морфологии, снабжен детальными схемами, иллюстрирующими образование глагольных форм. Так, на с. 10 приведена схема, на которой проиллюстрировано образование глагольных форм от основ разного типа. Затем отдельно рассматриваются синтетические и аналитические формы, для каждой клетки парадигмы приводятся примеры словоформ. Очень удобным кажется решение разместить парадигмы в одном разделе — таким образом, у читателя нет необходимости разыскивать нужные словоформы в разных главах книги. Подробная таблица приведена и для именных парадигм (с. 39—41). В конце раздела 6.3, посвященного синтаксическим дополнениям, имеется сводная таблица моделей управления. Таблицы, обобщающие сведения о синтаксических актантах с такой подробностью, встречаются в грамматиках нечасто.

Использование книги как грамматического справочника, однако, осложняется выборочным подходом к описанию фрагментов языковой системы. Несмотря на включение в текст большого количества

справочного материала вроде парадигм, который характерен в большей степени для грамматических описаний, чем для сборников статей, в монографии практически отсутствуют важные данные сразу о нескольких важных фрагментах языковой системы, в частности о падежной системе, о синтаксисе послелогов, об отрицании. Нельзя не отметить и некоторую рассогласованность между главами. В разделе о сравнительных конструкциях (с. 453) выдвигается гипотеза о том, что группы с аналитическим показателем стандарта сравнения «присоединяются синтаксически выше, чем сентенциальное отрицание, и поэтому оно не может лицензировать отрицательно-полярные единицы внутри таких групп», что, строго говоря, нуждается в дополнительном обосновании. Однако в книге ничего не говорится ни о синтаксисе отрицания, ни о лицензировании указанных единиц. В разделе 6.4, где говорится о семантике множественности, возникающей при номинализованных предикатах, читатель впервые узнает о существовании глагольных суффиксов множественности, о которых в книге ранее ничего не сообщалось. В разделе 3.4 описываются семантические эффекты, возникающие при присоединении детранзитивизирующего показателя *-n-*, который ассоциируется с вершиной *vP*. С одной стороны, такое решение выглядит логичным; с другой стороны, в разделе 3.1.4, посвященном показателю *-n-*, никакого формального анализа не проводится, поэтому утверждения о синтаксической позиции показателя не выглядят самоочевидными.

Не всегда структура книги представляется логичной. Вызывает некоторое недоумение решение разместить информацию о структуре ИГ между разделами 4.1 и 4.3, последний из которых называется «Иерархическая структура именной группы». Среди других недостатков книги можно отметить редкое обращение к корпусным данным в некоторых разделах, из-за чего данные о некоторых фрагментах грамматической системы основаны только на элицированных примерах, иногда достаточно неестественных.

Нельзя не признать, что некоторые главы монографии уже успели устареть в научном плане. Это обусловлено в том числе и тем, что специалисты, являющиеся авторами некоторых разделов, успели выпустить работы с гораздо более проработанным анализом описанных ими явлений. В первую очередь это касается раздела 5.3, в котором речь идет о сериальных конструкциях: его автор, П. В. Гращенков, предложил гораздо более развернутый анализ в своей докторской диссертации [Гращенков 2017], а также в монографии [Гращенков 2015]. Непроработанным кажется и анализ сочинительных и подчинительных конструкций в разделе 6.6: главный вывод состоит в том, что критерии сочинения и подчинения не позволяют однозначно определить синтаксический статус некоторых типов клауз. Вместе с тем, как представляется, в лингвистической науке имеются удовлетворительные теоретические решения этой проблемы (см. хотя бы [Belyaev 2015]).

Вместе с тем, повторимся еще раз, рецензируемая монография в целом вносит весомый вклад в изучение грамматической системы татарского языка. Это становится возможно благодаря привлечению формальных теорий, которые оказываются способны ответить на многие не решенные ранее теоретические вопросы. В этой связи, как нам кажется, выдающимся можно назвать раздел, посвященный глагольным категориям. Ниже мы охарактеризуем самые интересные наблюдения, высказанные в рамках этого раздела, а также некоторые наблюдения из других разделов.

Прежде всего, стоит особо отметить раздел 3.4, в котором исследуется проблема деривации отыменных и отадъективных глаголов. Эта проблема в теоретической литературе не исследована достаточно хорошо, и со времен классической работы [Hale, Keyser 2002], о которой уже было сказано выше, выдающихся исследований в этой области появилось крайне мало. Более того, грамматические описания различных языков обычно содержат только самые общие сведения о том, какие в языках существуют отыменные глаголы, но не содержат сведений о том, по каким принципам происходит их деривация. Между тем, для теории языка интересен вопрос, чем ограничены возможности деривации отыменных и отадъективных глаголов в конкретных языках. Это можно проиллюстрировать следующей парой примеров: в английском языке допустимо построить предложение *John shelved the books* 'Джон поставил книги в шкаф', но в русском языке его возможный аналог **Иван ушкафил книги* неграмматичен. Вопрос же о том, что именно регулирует деривационные процессы подобного типа, остается открытым, и исследование межъязыкового варьирования в этой области еще только предстоит.

В мишарском диалекте, как уже было указано в разделе 2 настоящей рецензии, есть показатель, который деривирует каузативные глаголы как от прилагательных, так и от существительных. В теории Хейла и Кейсера, однако, между двумя классами глаголов существует значительная разница: прилагательные на первом этапе деривации образуют переходные (инхоативные) глаголы, в то время как существительные — переходные (каузативы). В мишарском диалекте это, однако, не так — в обоих случаях в первую очередь образуются каузативы. Строго говоря, это нуждается в дополнительном объяснении. Почему, к примеру, отадъективные глаголы на первом этапе деривации должны обязательно содержать в своей структуре агенса (что, вообще говоря, противоречит исходным допущениям Хейла и Кейсера)? Связан ли этот факт каким-то образом с семантикой деривационного суффикса *-la*? Почему система

мишарского диалекта коренным образом отличается от системы английского языка, на основе которой и была построена теория Хейла и Кейсера? Ответы на эти вопросы вряд ли можно дать, что еще раз говорит о том, насколько не разработана эта область исследований. В то же время имеющиеся данные позволяют объяснить, по каким принципам происходит деривация отыменных глаголов: ключевым здесь является вывод о том, что суффикс *-la* кодирует процесс, в ходе которого наступает состояние, обозначаемое исходной основой. Таким образом, без дальнейшего семантического дробления оказываются единообразно объясненными все употребления суффикса.

Важным является обобщение, согласно которому отыменные глаголы, обозначающие способ осуществления действия (в частности, инструментальные глаголы вроде ‘пахать плугом’ и др.), не могут при присоединении детранзитивного маркера *-n* иметь декаузативную интерпретацию, т. е. интерпретацию, при которой из структуры ситуации удаляется агенс. В то же время ситуации, которые кодируют переход в состояние и не специфицируют способ, которым это достигается (‘мучить’, ‘ранить’), при присоединении того же самого показателя декаузативную интерпретацию иметь могут. Обобщение отражает интуитивно верное соображение о семантической связи между агентивностью и ролью инструмента. Другим важным микросюжетом представляется рассуждение о неэргативных отыменных глаголах (‘разбойничать’), которые получают теоретическое осмысление едва ли не впервые в литературе.

Анализ, предложенный в разделе 3.3, представляется важным в свете проблемы двойных каузативов, обобщения о которой были сделаны в известной статье [Kulikov 1993]. Л. Куликов выделяет некоторые семантические типы двойных каузативов — в частности, каузативы со значением интенсификации, дистантные каузативы, каузативы, обозначающие множество каузируемых событий, и некоторые другие. Однако эти типологические обобщения не могут объяснить ни данные мишарского диалекта, ни данные большого количества языков, в том числе и Волго-Камского ареала. Основным вопросом, требующим решения, является то, что каузативная деривация обычно интерпретируется как введение нового участника (каузатора). Однако в случае мишарского диалекта новый каузатив при добавлении второго показателя каузатива не вводится.

Предлагаемое решение заключается в следующем. Делается важное допущение о том, что показатель каузатива вводит не каузатора, а каузирующее подсобытие. Однако два показателя каузатива вводят разные семантические отношения: показатель, который находится ближе к корню, обозначает обычную каузацию, а появление в словоформе второго каузатива сигнализирует о наличии некоторого отличного от первого отношения между каузирующим и каузируемым подсобытиями. (Более подробное формальное обоснование анализа приводится в тексте раздела.) Второе важное допущение состоит в том, что отношение, вводимое вторым показателем каузатива, может быть описано как инкрементальное, т. е. такое, при котором некоторое действие изоморфно отображается в результат этого действия. Если сделать подобное допущение, легко объяснимыми становятся следующие ограничения на интерпретацию двойных каузативов:

(14) *trener marat-nx jeger-t-ter-de.*

тренер Марат-ACC бегать-CAUS-CAUS-PST

‘Тренер заставил Марата бегать’.

- a. ‘Тренер велел Марату бежать и сам бежал вместе с ним, давая указания в процессе бега’.
- b. ‘Пока Марат бежал, тренер устранял с его пути всевозможные препятствия’.
- c. ‘Тренер велел Марату бежать и наблюдал за процессом бега’.
- d. ‘#Тренер велел Марату заниматься на беговой дорожке, а сам ушел по делам’. (с. 245)

При интерпретациях (a), (b) и (c) предполагается, что намерения тренера каузировать ситуацию ‘Марат бегаёт’ инкрементально отображаются в действия тренера, что предполагает импликацию вовлеченности тренера во всю ситуацию. Этой импликации нет при интерпретации (d), поскольку в этом случае тренер, каузивав некоторую ситуацию, самоустраняется от ее дальнейшего протекания. Таким образом, анализ двойных каузативов в терминах характера отношений между подсобытиями лучше объясняет ограничения на интерпретацию каузативных словоформ, чем стандартный анализ в терминах повышающей актантной деривации, и хочется верить, что окажется способен объяснить семантику двойных каузативов в тех языках, которые не подчиняются типологическим обобщениям. С помощью понятия инкрементального отношения можно объяснить и некоторые уже известные эффекты двойной каузативизации — в частности, интенсификационное значение, которое также предполагает приложение агенса дополнительных усилий для осуществления ситуации.

Особый интерес для типологии представляет и раздел 6.3, где идет речь об индексикальном сдвиге. Это явление хорошо известно, к примеру, в африканских языках, где для сдвига используются особые

логофорические местоимения, однако только в последнее время оно детально исследуется на материале тюркских языков. Как мы уже отметили, наличие оператора индексикального сдвига позволяет без дополнительных допущений объяснить логофорическую интерпретацию местоимений, попадающих в сферу действия этого оператора. В то же время в мишарском диалекте подлежащее клаузы, содержащей оператор индексикального сдвига, не может интерпретироваться логофорически, то есть не попадает в сферу действия оператора, если оно выражено аккузативной именной группой. Это можно проиллюстрировать следующей парой:

- (15) *alsu [berkem-ne dä miŋa bag-m-a-s dijeŋ] kurk-a.*
 Алсу никто-ACC EMPH я.DAT смотреть-NEG-ST-POT SUB бояться-ST.IPFV
 1. 'Алсу боится, что никто на меня {т. е. на говорящего} не посмотрит'.
 2. '*Алсу_i боится, что никто на нее_i не посмотрит'.

- (16) *alsu [berkem dä miŋa bag-m-a-s dijeŋ] kurk-a.*
 Алсу никто EMPH я.DAT смотреть-NEG-ST-POT SUB бояться-ST.IPFV
 1. 'Алсу боится, что никто на меня {т. е. на говорящего} не посмотрит'.
 2. 'Алсу боится, что никто на нее не посмотрит [= «На меня никто не посмотрит»]'. (с. 572)

Анализ, приведенный в разделе, содержит допущение, согласно которому подлежащее зависимой клаузы может либо находиться, либо не находиться в сфере действия оператора индексикального сдвига и занимать разные структурные ранги. Такое обобщение может объяснять самые разные факты языков мира: к примеру, в некоторых африканских языках логофорические местоимения не могут связывать рефлексивы, поскольку находятся, по-видимому, в более высокой структурной позиции, чем собственно подлежащее.

Книга содержит некоторое количество опечаток и неточностей. Так, на с. 174 упоминается несуществующий «язык догон», который на самом деле, как известно, является языковой семьей с хорошо дифференцируемыми и невзаимопонятными идиомами. Впрочем, в данном случае ошибка явно обусловлена неточностью в цитируемом источнике.

Суммируя, можно сказать, что рецензируемая монография безусловно достойна внимания как тюркологов, так и специалистов по типологии, синтаксису и семантике. Точные и высокопрофессиональные наблюдения авторов делают книгу своего рода справочником, который будет весьма полезен при исследовании как тюркских языков, так и других языков, ареально близких к ним.

Сокращения

1 — 1 лицо	GEN — генитив
ABL — аблатив	IPFV — имперфектив
ACC — аккузатив	NEG — отрицание
ATT — аттенуатив	PFCT — перфект
CAR — каритив	POT — потенциалис
CAUS — каузатив	PRET — претерит
CAUS.D — дистантный каузатив	PST — прошедшее время
COMP — сравнительное степень	REC — реципрок
CONV — деепричастие	SG — единственное число
DAT — датив	ST — производная основа
EMPH — эмфатическая выделительная частица	SUB — союзное слово
FOC — фокусная частица	

Литература

Ахатов 1980 — *Ахатов Г. Х.* Мишарский диалект татарского языка. Уфа, 1980. {*Akhatov G. Kh.* Mishar dialect of the Tatar language. Ufa, 1980.}

Гращенков 2015 — *Гращенков П. В.* Тюрские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М., 2015. {*Grashchenkov P. V.* Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization. Moscow, 2015.}

Гращенков 2017 — *Гращенков П. В.* Композициональность в лексической и синтаксической деривации разноструктурных языков. Дисс. ... доктора филологических наук. М., 2017. {*Grashchenkov P. V.* Compositionality in lexical and syntactic derivation. Doctoral dissertation. Moscow, 2017.}

Лютикова и др. (ред.) 2006 — Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке / Ред. Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Шлуинский А. Б., Пазельская А. Г. М., 2006. {Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar / Eds. Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Yu., Shluinsky A. B., Pazelskaya A. G. Moscow, 2006.}

Лютикова и др. (ред.) 2007 — Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике / Ред. Лютикова Е. А., Казенин К. И., Соловьев В. Д., Татевосов С. Г. Казань, 2007. {Mishar dialect of the Tatar language: essays on syntax and semantics / Eds. Lyutikova E. A., Kazenin K. I., Soloviev V. D., Tatevosov S. G. Kazan, 2007.}

Махмутова 1978 — Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978. {Makhmutova L. T. Exploring the Turkic dialects. Mishar dialect of the Tatar language. Moscow, 1978.}

Татевосов (ред.) 2009 — Тубаларские этюды / Ред. Татевосов С. Г. М., 2009. {Tubalar etudes / Ed. Tatevosov S. G. Moscow, 2009.}

Татевосов 2010 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. ... доктора филологических наук. М., 2010. {Tatevosov S. G. Aktionsart in lexicon and grammar. Doctoral dissertation. Moscow, 2010.}

Татевосов 2015 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М., 2015. {Tatevosov S. G. Aktionsart in lexicon and grammar. Verb and event structure. Moscow, 2015.}

Татевосов 2016 — Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М., 2016. {Tatevosov S. G. Verb classes and typology of aktionsart. Moscow, 2016.}

ТГ 1992—1995 — Татарская грамматика / Ред. Закиев М. З., Ганиев Ф. А., Зиннатуллина К. З. Казань, 1992—1995. {A Grammar of Tatar / Eds. Zakiev M. Z., Ganiev F. A., Zinnatullina K. Z. Kazan, 1992—1995.}

Abney 1987 — Abney S. The English noun phrase in its sentential aspect. Doctoral Dissertation, Cambridge, MA, 1987.

Baker 1985 — Baker M. The Mirror Principle and Morphosyntactic Explanation // Linguistic Inquiry. 1985. Vol. 16. № 3. P. 373—415.

Balusu 2014 — Balusu R. Lexical semantics of transitivizer light verbs in Telugu // Eds. Chandra P., Srishti R. The Lexicon—Syntax Interface: Perspectives from South Asian languages. Linguistik Aktuell / Linguistics Today. 2014. P. 101—126.

Belyaev 2015 — Belyaev O. Systematic mismatches: Coordination and subordination at three levels of grammar // Journal of Linguistics. 2015, 51 (2). P. 267—326.

Bylinina 2014 — Bylinina L. The grammar of standards: Judge-dependence, purpose-relativity and comparison classes in degree constructions. PhD. diss. Utrecht, 2014.

Hale, Keyser 2002 — Hale K. L., Keyser S. J. Prolegomenon to a Theory of Argument Structure. Cambridge, 2002.

Haspelmath 1990 — Haspelmath M. The Grammaticization of Passive Morphology // Studies in Language. 1990. Vol. 14. № 1. P. 25—72.

Hawkins 1994 — Hawkins J. A. A Performance Theory of Order and Constituency. Cambridge, 1994.

Kulikov 1993 — Kulikov L. I. The “second causative”: A typological sketch // Causatives and transitivity / Eds. Comrie B., Polinsky M. Amsterdam, 1993. P. 121—154.

McLaughlin 2004 — McLaughlin F. Is there an adjective class in Wolof? // Adjective classes: A cross-linguistic typology / Eds. R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald. Oxford, 2004. P. 242—262.

McPherson, Paster 2009 — McPherson L., Paster M. Evidence for the Mirror Principle and Morphological Templates in Luganda Affix Ordering / Eds. Ojo A., Moshi L. Selected Proceedings of the 39th Annual Conference on African Linguistics. Somerville, 2009. P. 55—66.

Ozarkar, Ramchand 2018 — Ozarkar R., Ramchand G. Structure matching and structure building in Marathi Complex Predicates // Journal of South Asian Linguistics. 2009, 8. P. 3—28.

Podobryaev 2014 — Podobryaev A. Persons, imposters and monsters. Doctoral Dissertation, Cambridge, MA, 2014.

Pylkkänen 2002 — Pylkkänen L. Introducing Arguments. Ph.D. dissertation. Cambridge, MA, 2002.

Ramchand 2008 — Ramchand G. C. Verb Meaning And The Lexicon. Cambridge, 2008.

Rhee, Koo 2014 — Rhee S., Koo H. J. Grammaticalization of causatives and passives and their recent development into stance markers in Korean // Poznań Studies in Contemporary Linguistics. 2014, 50(3). P. 309—337.

Say 2013 — Say S. Kalmyk causative constructions: case marking, syntactic relations and the speaker's perspective // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja (Journal de la Société Finno-Ougrienne). 2013, 94. P. 257—280.

Shibatani, Pardeshi 2002 — Shibatani M., Pardeshi P. The Causative Continuum // Ed. Shibatani M. The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. Amsterdam, 2002.

Wiklund 2008 — Wiklund A. L. Creating surprise in complex predication // Eds. Svenonius P., Tolskaya I. Tromsø Working Papers on Language and Linguistics: Nordlyd 35, special issue on Complex Predication. 2008. P. 163—187.

Yap, Shoichi 2003 — Yap F. H., Shoichi I. From causative to passive: A passage in some East and Southeast Asian languages // Eds. Casad E., Palmer G. Cognitive Linguistics and Non-Indo-European Languages [Cognitive Linguistics Research 18]. Berlin, 2003. P. 419—446.